

ОЛЬГА КРЕМЛИНА

olgakremlina@yandex.ru

89141886315

Фэн Цзицай

Как Чэнь Сы подарок дарил

Среди людей выше всего почитаются четыре ценности: деньги, власть, отец и внешность. С деньгами ты всемогущ, власть возвысит тебя над божествами, хороший отец – твоя крепкая опора, с красивым лицом тебе везде дорога. И все-таки даже этого мало. Деньгами и властью, поддержкой отца и внешностью нужно еще знать, как распорядиться, ведь самое главное – подходить к делу умеючи.

Возьмем, скажем, дарение подарков чиновникам. Какой чиновник откажется от подарка? А все-таки нельзя же вот так просто взять и подарить в открытую. Дарить подарки – это тоже в своем роде искусство. В Тяньцзине этим искусством лучше всех овладел некий Чэнь Сы, добившийся больших успехов на государственной службе. Еще не набравшись как следует учености, в молодые годы он уже стал заместителем начальника почтового отделения. По слухам, он на каждом шагу своей карьеры раздавал направо и налево подарки. Сам же Чэнь Сы говорит, что чиновничья дорожка ровной не бывает; с подарками шагается легче, без них же далеко не уйдешь.

Чэнь Сы дарит подарки так, что, как говорится, «и люди не узнают, и духи не проведают». Сам подарок показывать нельзя, но дарить нужно на людях, и наука это непростая – то есть надо так устроить, чтобы тот, кому дарят подарок, все прекрасно понимал, при этом посторонние ничего не заподозрили. Но как это дело повернуть?

Как-то раз приятель Чэнь Сы по фамилии Гэ, торговец ювелирными изделиями, устраивал в ресторане Хэпин, что на территории французской концессии, ужин для господина Цзя, губернатора провинции Чжили. Чэнь Сы с губернатором прежде не встречался, но давно уже хотел что-нибудь ему подарить да завязать знакомство, а тут как раз такая возможность – вот Чэнь Сы и стал упрашивать приятеля взять его с собой и представить губернатору.

– Не вздумай при мне дарить ему дорогие подарки, – предупредил старина Гэ.
– Он человек с авторитетом, на людях ничего от тебя не примет. Если я из-за тебя лицо потеряю, моим делам придет конец.

– За кого ты меня принимаешь? – рассмеялся Чэнь Сы. – Уж если я стану подмазывать, даже ты не углядишь.

За ужином старина Гэ представил Чэнь Сы губернатору. Вот только где губернатор провинции, и где какой-то мелкий заместитель начальника почты – господин Цзя обратил на Чэнь Сы внимания не больше, чем на собачонку. В торговле слово за тем, у кого водятся деньги, а на чиновничьей службе – за тем, у кого выше чин, и Чэнь Сы долгое время не мог и словечка вставить. Наконец, терпеливо дождавшись подходящего момента, он вдруг указал на висевшую на стене картину:

– Вот дрянная работа.

Чэнь Сы прознал, что губернатор Цзя – большой поклонник живописи, его коллекцией работ знаменитых художников и каллиграфов можно весь дом увешать. Вот Чэнь Сы и забросил наживку.

Губернатор клюнул.

– Как, – спрашивает, – вы тоже разбираетесь в живописи?

Чэнь Сы замахал палочками для еды.

– Куда мне, да и интереса особого нет, вот отец мой, тот да, любил картины. Старик в этом году умер, кучу их после себя оставил. По первости, как были средства, он этими картинами квартиру украшал, славно выходило, только кончилось тем, что он все деньги на них стал спускать. Теперь лежит эта груда, ни надеть, ни живот набить – как по мне, самая что ни на есть рухлядь, как раз ее сейчас распродают.

У губернатора Цзя брови так и взлетели, сразу видно, заинтересовался.

– Чьи же это картины?

Чэнь Сы прикинулся дурачком.

– Для меня это все темный лес! Говорят, какие-то знаменитые художники, ну, значит, так оно и есть. А что, вы понимаете в картинах?

– Да так, по верхам, – помедлив, ответил губернатор Цзя. – Нравится смотреть, да и все. А все-таки, чьи картины-то?

– Одного художника, кажется, звать что-то-там-Ши, – принялся вспоминать Чэнь Сы, – возле «Ши» на краешке еще какие-то иероглифы были.

– Ци Байши? – быстро спросил губернатор Цзя.

– Ци Байши я знаю, – сказал Чэнь Сы, – это же тот, который рисовал крабов и креветок, да? Не пойму, что в них хорошего, нарисованную креветку не зажаришь. Есть у меня несколько его свитков, хоть так раздаривай. Нет, этот не Ци Байши, просто в имени тоже есть иероглиф «ши», что-то-как-то-Ши, не помню. На картине все черным-черно, ничего не разглядишь, зря только краску извел. Придет старьевщик – отдам ему.

Губернатор Цзя порылся в памяти.

– Фу Баоши? – А глаза уж загорелись.

Чэнь Сы подумал-подумал, да как воскликнул:

– Точно! Точно, он! Баоши, «бао» как «нести» и «ши» как «камень». Ну и чудное же у него имечко – «Таскающий Камни». Неужто известный?

Губернатор Цзя помедлил с ответом.

– Можно и так сказать, малость известный. Неплохие картины.

– Эта черная мазня-то? – удивился Чэнь Сы. – Ну, мне не понять. А коли вы хотите взглянуть на картину, так я когда угодно вам ее принесу. Сегодня не заговорили бы о ней, я, наверно, уже завтра продал бы ее старьевщику.

Послушать Чэнь Сы, так могло показаться, что он выдает замуж деву-дурнушку, торопится поскорее от нее отделаться.

Все трое рассмеялись и снова принялись за еду, только теперь губернатор и с Чэнь Сы не гнушался разговаривать и шутить.

Старина Гэ хоть и присутствовал при разговоре, а понял мало. Человек он темный, учености никакой, потом уже расспросил знающих людей, да и выяснил, что Фу Баоши – имя на слуху, как раз недавно в Нанкине прошла его выставка, весь город о ней говорил. Тогда только Гэ все понял и оценил тонкость и изящество мастерства Чэнь Сы. Спустя полгода, услышав, что Чэнь Сы получил повышение в чине – из заместителя стал начальником, старина Гэ сказал:

– Чэнь Сы так дарит подарки, что самого черта проведет. Этот человек еще немало чинов нахватает.